

ЛИДИЯ
АЛЕКСЕЕВНА
АВИЛОВА

ПЕРВОЕ ГОРЕ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А20

Авилова Л. А.

А20 Первое горе / Л. А. Авилова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 112 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72887-4

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Лидии Алексеевны Авиловой «Первое горе».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72887-4

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

Г 839

ПЕРВОЕ ГОРЕ.

ВБТЕРЗ
ШУМЬЛЗ.

МОТЬКИНЪ
ПРЕДЪЛЪ.

ТАЙНА
ПЕЧАЛИ.

= РАЗСКАЗЫ

Л.А. АВИЛОВЪ.

ТА.

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Когда Гриша выходилъ на балконъ, ему стоило только прищурить свои большіе синіе глаза, чтобы видѣть за открытыми воротами конюшни круглый свѣтлый задъ Ловкаго въ его стойлѣ, рядъ уздечекъ на перегородкѣ и кучера Игната въ старой безрукавкѣ и съ неугасимой

трубкой въ зубахъ. Обыкновенно Гриша недолго противился искушенію: онъ засовывалъ обѣ руки въ карманы своихъ коротенькихъ штанишекъ, спу-

скался съ лѣсенки балкона и шелъ черезъ большой заросшій дворъ степенной поступью настоящего хозяина.

— Ну, что? — спрашивалъ онъ Игната, оглядывая знакомую и милую ему обстановку каретнаго сарая. — Лѣвая все еще хромаетъ?

— Хромаетъ еще, хромаетъ! — съ полной готовностью поддержать разговоръ отвѣчалъ Игнатъ.

— А хомутъ починилъ!

— Да, вотъ, починаю.

— Смотри: сегодня моего Королька никому не давать!

— Да развѣ моя воля? Скажутъ: „надо на станцію ѣхать, либо въ село, запрягай Королька“... Я и запрягу.

— Что это, право! все мою лошадь, все мою... — ворчливо замѣчалъ мальчикъ. — А овса ей всыпалъ?

— Откуда же я возьму, ежели мнѣ не приказано? — отвѣчалъ Игнатъ, и бородатое, обыкновенно хмурое лицо его принимало лукавое выраженіе. — Папенька не велѣлъ.

— Безъ овса! — отчаянно вскрикивалъ Гриша, и гнѣвные слезы навертывались у него на глазахъ.

Игнатъ весело и ласково смѣялся.

— Ишь, порошокъ какой! право, порошокъ, — успокоительно говорилъ онъ. — Да ужъ будьте покойны; не обижу я вашего Королька. У другихъ отниму,

а Королекъ у меня всегда въ полномъ удовольствіи. Ужъ не бойся, милый!

Онъ ласково заглядывалъ въ глаза мальчику и проводилъ по его головѣ своей корявой, грубой рукой. Гриша успокоивался и начиналъ свой обычный обходъ. Онъ садился поочередно во всѣ экипажи, влѣзалъ на козлы и дѣлалъ попутно свои замѣчанія.

— Хо-орошая телѣжка! — говорилъ онъ тономъ знатока.

— Дурного въ ней нѣтъ! — сочувственно отзывался Игнатъ.

— Дрожина-то... прочная, небось?

— Дегтемъ вымажешься, баловникъ! — предостерегалъ кучеръ. — Нянюшка будетъ браниться.

— Ладно. Не вымажусь, — спокойно отвѣчалъ Гриша.

Игнатъ служилъ въ усадьбѣ первый годъ, но очень быстро сошелся со своимъ маленькимъ баариномъ, и между ними завязалась странная, но искренняя дружба.

— Вотъ я вамъ расскажу, какъ я у Лухковскихъ господъ жилъ, — начиналъ Игнатъ. — Была у нихъ лошадь...

— Ты у нихъ до насъ жилъ?

— Нѣтъ. До васъ жилъ я тутъ у одного купца... Конечно, нужда... Безъ нужды дня бы у него не

прожилъ!.. Тоже въ судъ!.. А за что меня въ судъ? развѣ я чужое бралъ?

— А развѣ тебя купецъ хотѣлъ судить?

— Чего ужъ тамъ хотѣлы! Прямо, значить, подалъ жалобу. Будто я у него лошадь и телѣгу увелъ. Жалованья не платилъ цѣлый годъ, а отпустить тоже не отпускаетъ. Живи! Мы съ бабой и такъ и этакъ. Пользуется, значить, что пачпорта не было. Что ты тутъ дѣлать будешь? Взяли мы съ Матреной, съ бабой моей, ночью лошадь въ телѣгу запрягли, да и... домой. Не пѣшкомъ же намъ было итти, да еще съ ребенкомъ малымъ, до дому - то верстъ шестьдесятъ будетъ. Хватился купецъ, а нашъ и слѣдъ простылъ. Лошадь я бы ему вернулъ, неужто взялъ бы. А онъ, вишь, разсвирѣпѣлъ, что даровой работникъ ушелъ, да въ судъ, да жалобу: „такъ, молъ, и такъ, обокрали“.

— И судили тебя?

— Говорятъ,—судили.

— Ну, какъ же?

— А вотъ и такъ же! — неопредѣленно отвѣчалъ Игнатъ, и густыя брови его озабоченно хмурились, и все лицо надолго принимало угрюмое, почти страдальческое выраженіе.

— А ты бы сказалъ, что не виноватъ,—совѣтовалъ Гриша серьезно.

— Да развѣ меня спрашивали? Да и гдѣ она, соколикъ, правда-то? Судили, судили, да воромъ меня и сдѣлали. Вотъ какъ!

— Какъ сдѣлали? — жадно допытывался мальчикъ.

— А вотъ такъ! — хмурясь и горько усмѣхаясь, отвѣчалъ Игнатъ.

Иногда разговоръ принималъ другое направленіе.

— Развѣ Матрена твоя жена? — спрашивалъ Гриша.

— А то чья же? — добродушно отзывался Игнатъ.

— Чего же она не съ тобой, а все въ землянкѣ хлѣбы печетъ?

Игнатъ улыбался.

— А чего ей тутъ со мной? Сказки мнѣ, что ли, сказывать?

— Зачѣмъ сказки? — горячо возражалъ мальчикъ. — Мама сказки папѣ не рассказываетъ, такъ живетъ... А Польша, значитъ, твоя дочь?

— Значитъ, дочь.

— А еще у васъ дѣти были?

— Нѣтъ, только и всего.

— Отчего у васъ больше не было?

Игнатъ смѣялся и крутилъ головой.

— Ну, ужъ и ребенокъ! — говорилъ онъ.

— Чего смѣешься? — слегка обижаясь и объясняя свою мысль, продолжалъ Гриша. — Вотъ у папы съ мамой трое дѣтей... Игнать! — ласково просилъ онъ тутъ же, заглядывая въ глаза своего пріятеля, — когда уѣдемъ въ городъ, ты ужъ победи моего Королька.

— Уберегу. уберегу! — обѣщалъ Игнать. — Да только, милый, какъ бы мнѣ раньше вашего не уѣхать.

— А куда? — удивленно спрашивалъ мальчикъ.

— А вотъ... туда! — съ своей обычной загадочной манерой отвѣчалъ Игнать.

Нерѣдко задушевную бесѣду друзей прерывала старуха няня.

— Гришенька! здѣсь, что ли? — спрашивала она, заглядывая въ сарай. — И что это, право, — ворчливо продолжала она, — господское дите, а въ конюшнѣ живмя-живеть. Вотъ пожалуюсь мамѣ! Скажите на милость: пріятеля себя нашелъ. Иди сейчасъ, иди! А ты, непутевый, — обращалась она къ Игнату, — чѣмъ тебѣ ребенка образумить, ты его пуще заманиваешь.

— Да я что же, Анна Герасимовна? Я ничего, — сконфуженно оправдывался Игнать. — Если бы я его дурному училъ...

— Еще бы тебя въ учителя! — презрительно замѣчала няня. — Иди, баловникъ, иди!